

К. В. САХАРОВ

<«Личность Верховного правителя вырисовывается исключительно светлой, рыцарски-чистой и прямой...»>

Мне известно совершенно достоверно, что адмирал А. В. Колчак не только сам не добивался власти, но и уклонялся от нее. Личность Верховного правителя вырисовывается исключительно светлой, рыцарски-чистой и прямой; это был крупный русский патриот, человек большого ума и образования, ученый-путешественник и выдающийся моряк-флотоводец. Александр Васильевич Колчак, как человек, отличался большой добротой, мягким и даже чувствительным сердцем; его волевой характер, надломленный революцией, был очень вспыльчив. Настроения быстро менялись под давлением незначительных событий и первых известий, амплитуда колебаний от полной надежды до упадка ее проходила легко и быстро. В дни подъема настроения влияние его на людей было почти неограниченно; прямой глубоко проникающий взгляд горящих глаз умел подчинить себе волю других, как бы гипнотизируя их силою многогранной души. Адмирал принял на себя тяжесть власти, как подвиг, руководимый чувством самопожертвования во имя чести и спасения Родины; и все дальнейшее его служение, до конца было проникнуто сильной любовью к России и высоко развитым сознанием долга. <...>

После доклада Верховный правитель оставил всех нас обедать; разговор за обедом не касался этого вопроса и шел на самые обыденные темы. Но затем, уже вечером, в кабинете адмирала остались он, Гайда с начальником штаба Богословским, генерал Д. А. Лебедев и я. Снова мы стали доказывать необходимость приложить все силы, чтобы развить наступление на Поволжье и соединиться с Добровольческой армией; иначе вставала угроза, что Западная армия не выдержит. Вставал призрак катастрофы.

Здесь впервые прозвучали те ноты, которые вскоре мне пришлось слышать в Екатеринбурге. Гайда стал очень искусно затушевывать

и преуменьшать сделанное Западной армией, восхваляя ловко в то же время общий стратегический план, вспоминая и рассказывая операции и эпизоды из своей армии, набрасывая широкие перспективы занятия им Казани, Вятки, соединения с Архангельском, легкой подаче оттуда английского снабжения и товаров. Нарисовал положение Москвы, которая легко и скоро будет занята тогда Гайдой. Все это он пропитывал стружкой тонкой, умелой лести, вплетая уверения о своей беспредельной преданности Верховному правителю, и делал это так искусно, что только постороннее внимание могло заметить неискренность и затаенную мысль.

Разговор все делался интимнее и ближе. Часовая стрелка подходила ко времени отхода поезда Гайды. Перед самым отъездом адмирал Колчак обнял его, расцеловал и, обращаясь к остальным, сказал слова, совершенно неожиданные и глубоко нас поразившие:

— Вот что, слушайте, — он обратился, называя Д. А. Лебедева и меня, — я верю в Гайду и в то, что он многое может сделать. Если меня не будет, если бы я умер, то пусть Гайда заменит меня.

Было больно слышать и видеть, как после этого Гайда, этот очень хитрый и очень волевой человек, склонился к плечу адмирала, чтобы скрыть выражение своего лица, — торжествующая улыбка змеилась на его тонких губах; тихим, неслышным нам шепотом что-то нашептывал он в самое ухо Верховному правителю.

Вскоре Гайда уехал; вопрос о координации действий Западной и Сибирской армий остался нерешенным. <...>

Подана команда на караул. Оркестр играет «Коль славен» (этим церковным гимном в то время заменили мощный, музыкальный и самый красивый в мире Русский гимн). Из вагона выходит адмирал Колчак, слегка сгорбленный, с бледным исхудавшим лицом и остро блестящими глазами от бессонных ночей на фронте. Губы плотно сжаты, опустились углы их, и около легли две глубокие складки тяжелых дум. Рапорт. Обходит ряды почетного караула, смотря, по своей привычке, пристальным взглядом в лицо каждого солдата.

— Спасибо, братцы, за отличный вид!

— Рады стараться, Ваше ...ство-о-о!

— Я только что объехал геройские полки Западной армии; им трудно, на них обрушились свежие части коммунистов. Но, Бог даст, одолеем врагов России. Надо только помочь нашим...

— Рады стараться Ваше ...ство-о-о! — гремит в ответ в воздухе. И все лица смотрят радостно и возбужденно. <...>

Дважды приезжал за это время отхода от Челябинска на Петропавловск ко мне в армию Верховный правитель адмирал Колчак, чтобы лично проверить нашу работу и видеть условия, в каких она протекала.

Однажды, когда мы ехали автомобилем к передовым частям, адмирал обратился ко мне в разговоре с вопросом:

— А почему Вы без револьвера?

Я ответил, что мой тяжелый наган, казенного образца, вожу всегда с собою, но носит его мой ординарец, унтер-офицер.

— Так нельзя, — возразил А. В. Колчак — надо иметь постоянно при себе. Вот смотрите, я ношу всегда сам», — добавил он, ударив рукою по маленькому браунингу, висевшему в чехле у его пояса. — Мало ли что может случиться! Необходимо иметь непоколебимое решение, быть всегда готовым выпустить шесть пуль, защищаясь, а последняя себе. Живым в руки нам даваться нельзя...

Примерно через месяц ко мне явился офицер-ординарец адмирала и передал от него сверток: карманный испанский парабеллум № 21727¹.

Привожу этот небольшой случай, но характерный, рельефно показывающий три стороны: взгляд покойного А. В. Колчака на положение, в котором приходилось тогда вести работу, — с постоянной мыслью о последней пуле для себя; его исключительно внимательное отношение к нам, офицерам; небольшая иллюстрация того, как стоял у нас в армии вопрос с оружием.

В последние приезды перед сентябрем адмирал имел очень утомленный, даже усталый вид. И каждый раз, уезжая, он говорил мне:

— Вы знаете, здесь на фронте отдыхаешь, — так все хорошо, просто, такая здоровая атмосфера настоящего дела. Если бы они могли также работать в тылу! <...>

Вместе с генералом Дитерихсом я отправился к адмиралу Колчаку, в его особняк на Иртыше; снова сделал доклад о положении на фронте. Вывод был таков: необходимо немедленно продолжать наступление, гнать разваливающихся красных, чтобы до наступления морозов занять горные проходы Урала; для этого необходимо выполнить три условия, — немедленная присылка пополнений, теплой одежды и координация действий всех армий.

Адмирал Колчак выслушивал, как всегда, внимательно весь доклад. Он сидел теперь оживленный и смотрел прямо своими светлыми черными, как ночь, глазами, качая часто головой в знак согласия. А в конце я услышал повторение почти дословно той же фразы:

— Я знаю, как армии трудно, но ничего, — подержитесь до конца октября, когда Деникин возьмет Москву. <...>

Вечером в тот же день за обедом и после него я имел длинный и совершенно близкий разговор с адмиралом. Он, еще более оживленный и полный надежд, и как будто даже помолодевший вследствие последних успехов армии, много и горячо говорил, высказывал свои задушевные мысли.

— Вы не поверите, Константин Вячеславович, как тяжела эта власть. Никто не понимает; думают, что я цепляюсь за нее. А я бы сейчас отдал тому, кто был бы достойнее и способнее меня...

В то время уже начали ходить слухи, направляемые какой-то скрытой, центральной интригой, о том, что генерал Деникин стремится стать сам во главе всего Русского дела, а с другой стороны, что генерал Дитерихс подготавливает переворот и намерен захватить власть в свои руки.

— Все равно ведь, — продолжал адмирал, — не может Русский народ остановиться ни на ком, не удовлетворится никем. Будь то человек — солнце, нашли бы пятна и раздули их. И это естественно. Нельзя вычеркнуть истории великого народа, нельзя насиловать его характера, свойств и всего уклада...

— Как Вы представляете себе, Ваше высокопревосходительство, будущее?

— Так же, как и каждый честный русский. Вы же знаете не хуже меня настроения армии и народа. Это — сплошная тоска по старой, прежней России, тоска и стыд за то, что с ней сделали...

— «В России возможна жизнь государства, порядок и законность только на таких основаниях, которых желает весь народ, его массы. А все слои русского народа, начиная с крестьян, думают только о восстановлении монархии, о призвании на престол своего народного Вождя, законного царя. Только это движение и может иметь успех».

— Так почему же не объявить теперь же о том, что Омское правительство понимает народные желания и пойдет этим путем?

Адмирал саркастически рассмеялся.

— А что скажут наши иностранцы, союзники?.. Что скажут мои министры?²

Верховный правитель развил мне свою мысль, что необходимо идти путем компромиссов, и он, местами противореча сам себе, защищал точку зрения, что временное соглашение с эсерами найти нужно, так как их поддерживают все «союзные» представители. Видно было, что адмирал устал в борьбе и уже уступал. <...>

— Так точно, — пробасил А. Пепеляев, генерал, — и моя армия считает, что главнокомандующий идет против общественности и преследует ее....

— Что Вы подразумеваете под общественностью? — спросил я его.

— Ну вот, хотя бы земство, кооперативы, Закупсбыт, Центросоюз, да и другие.

— То есть Вы хотите сказать — эсеровские организации. Да, я считаю их вредными, врагами русского дела.

— Позвольте, это подлежит ведению министра внутренних дел, — обратился ко мне, глядя поверх очков, министр. — Разрешите, Ваше

высокопревосходительство, снова выразить мне, — заговорил он, грузно повернувшись на стуле к Верховному правителю, — то, что уже докладывал: вся общественность требует ухода с поста генерала Сахарова и замены его снова генералом Дитерихсом, а я, как Ваш министр-председатель, поддерживаю это...

— Что Вы скажете на это? — тихо спросил меня адмирал.

Я ответил, что не могу позволить, чтобы кто-либо, даже премьер-министр, вмешивался в дела армии, что не допустима сама мысль о каких-либо давлениях со стороны так называемой общественности; вопрос же назначения главнокомандующего — дело исключительно Верховного правителя, его выбора и доверия.

— Тогда, Ваше высокопревосходительство, освободите меня от обязанности министра-председателя. Я не могу оставаться при этих условиях, — тяжело, с расстановкой, но резко проговорил старший Пепеляев.

Верховный правитель вспыхнул. Готова была произойти одна из тех гневных сцен, когда голос его гремел, усиливаясь до крика, и раздражение переходило границы; в такие минуты министры его не знали, куда деваться, и делались маленькими, маленькими, как провинившиеся школьники. Но через мгновение адмирал переборол себя. Лицо потемнело, потухли глаза, и он устало опустился на спинку дивана.

Прошло несколько минут тягостного молчания, после которого Верховный правитель отпустил нас всех.

— Идите, господа, — сказал он утомленным и тихим голосом, — я подумаю и приму решение. Ваше превосходительство», — обратился он, некоторой даже лаской смягчив голос, — этот приказ подождите отдавать, о переформировании 1-й Сибирской армии, а остальные можно выпустить.

